

Подвижник Зураб

Н икогда не думал, что такая, казалось бы, простая задача - написать очерк о художнике - окажется, к моему удивлению, столь сложной. Я даже чуть было не отказался от этой затеи. Сначала мне сказали по телефону, что его нет в Москве, где-то находится за границей. Потом, когда вернулся, выяснилось, что на месте застать также сложно. С раннего утра отправлялся он каждый день на Поклонную гору. А на ней, как всем сейчас известно, позволю себе употребить старый газетный штамп, кипела стройка, очевидно, самая значительная в городе. Тысяча солдат и тысячи строителей всех специальностей спешили завершить к годовщине Победы строительство огромного белокаменного дворца, предназначенного для музея Великой Отечественной войны. Художником этого комплекса является Зураб Церетели.

Вблизи музея возводятся новая, первая после 1917 года в Москве церковь Георгия Победоносца: расписывать ее стены поручили ему. Отсюда, с Поклонной горы, он спешил куда-то на машине на завод, где по его эскизам отливали разные произведения: фонари, люстры, скульптуры...

Имя Церетели я хорошо знал, слышал не раз, как говорил о нем поэт и архитектор Андрей Вознесенский, видел созданный им памятник, поставленный на площади, по соседству со стародавним Тишинским рынком, где водружили обелиск в честь российско-грузинской дружбы, которая в наши дни подверглась столь яростному испытанию. Читал, что художник украшал как монументалист фасады концертного зала в гостиничном комплексе в Измайлово, про то, что в новом здании Генерального штаба на Арбате есть три большие монументальные композиции, за которые ему присудили премию. Но побробуй посмотреть их, если для прохода в святая святых армии требуется пропуск. Кто его мне даст? Да и Измайлово не центр, сюда годами можно не попасть.

Когда же наконец наша встреча состоялась, то я не пожалел, что затратил столько усилий на звонки и переговоры. Войдя во двор одного из немногих сохранившихся на Большой Грузинской особняков, неожиданно для себя попал в сад скульптур: нечто подобное видел я во дворе дома Родена в Париже. В небольшом сквере, среди деревьев на каменных пьедесталах предстали большие и малые изваяния в бронзе. У мастера есть непреложное правило: какие бы монументы, скульптуры, композиции ни выполнял, куда бы они ни отправлялись, у себя дома - оставлял их модели, уменьшенные копии. Поэтому я смог увидеть на стене дома выполненные в технике перегородчатой эмали те композиции, что украшают Генеральный штаб: одна из них посвящена победе на поле Куликовом, в центре ее помещен Дмитрий Донской, а другая - победа над Наполеоном, ее главным героем Михаилу Кутузову. Большой двуглавый герб распростерся перед скорой отправкой на землю, а другой, малый, - позолоченный - взлетел на ограду сада.

Есть тут изваяния давние, известные; есть такие, которые еще никто не видел и никто не описал. Зигзаг молнии напомнил мне обелиск, названный Зурабом Церетели «Освобождение Европы». В его основании русские церкви, стены и башни Кремля, а на них громоздятся известные храмы и сооружения континента, который спасла Россия во второй мировой войне. Мало кто видел «Реквием», оплакивающий жертвы Катастрофы, постигшей еврейский народ. Сюда, в сад, попал один фонарь из тех, что стоят сегодня на Поклонной горе, и часть венка, подвешенного к своду зала Славы...

В одноэтажном двором флигеле, в глубине, располагается мастерская. А особняк стал домом Зураба, после того как свой дом в Тбилиси он передал России для посольства. Перед революцией строение принадлежало потомственному почетному гражданину Василию Александровичу Горбунову. По словам Зураба, некогда здесь жили его предки Церетели, в чем я не сомневаюсь, потому что общеизвестно: на Большой Грузинской поселились после известных исторических событий в XVIII веке, единения Грузии и России, многие грузины, захватившие здесь слободой. И вот теперь снова Церетели обосновались на этой улице, которая получила в его лице не просто еще одного жильца, но и преобразователя. Потому что

он не только отремонтировал довольно обветшавший просторный особняк, но и превратил его в музей.

Увешаны картинами комнаты подвального этажа, где горит электричество, освещая белоснежные стены и поражающие буйством красок большие и малые полотна. Увешаны картинами так же, как в подвале, стены комнат и парадных зал особняка. Ни в одном музее мира, ни в одном музее Москвы я не видел, чтобы картины развешивались по такому принципу, как здесь, на

Большой Грузинской. Они располагаются плечом к плечу, рама к раме, между картинами практически нет свободного пространства. Можно сказать, что стены сплошь увешаны полотнами в простых деревянных рамках. На них висят иконы и картины, выполненные не на холсте, а на меди, красочные эмали особого свойства, где чеканка породнилась с живописью, обожженной, закаленной в печи.

Так тесно картины располагаются, очевидно, потому, что, как мне кажется, именно при таком показе достигается наибольший эффект при их восприятии. Сколько представлено картин? Одно могу сказать, что тысячи. Сколько музейных залов? Номеров на них нет, по моим подсчетам, десятка два.

Что же это за картины, почему о них мало кто прежде знал, можно ли располагать произведения живописи таким образом, чтобы они не подавляли друг друга? Да, можно, но при одном условии. Если все они, все тысячи картин, принадлежат кисти одного художника. А именно Зураба Церетели.

Е му шестьдесят один. Заглянул в энциклопедию, уточнил: родился в 1934 году. Прочел, что его монументальные произведения - панно, мозаики, витражи, декоративно-игровые скульптуры, отличающиеся «богатством форм и яркостью цвета» - украшают курортный комплекс в Пицунде, мемориал в Ульяновске, посольство в Бразилии, а также уже упомянутые мною несколько зданий и площадь в Москве. Признан давно, несколько раз получал Государственную премию СССР, лет почти двадцать тому назад удостоен Ленинской премии. Но это еще не вся правда о Зурабе Церетели.

А узнать ее можно, только побывав в стенах особняка на Большой Грузинской. Я оказался здесь в воскресенье, в выходной, стало быть, день. Как раз в этот день художник закончил две новые картины и поздним вечером предложил заглянуть в мастерскую и на них посмотреть, после того как состоялась наша застольная беседа.

Мы прошли двором в пристройку европейского стиля, залитую светом, где стены так же, как и в главном доме, заполнены картинами. Я оказался перед мольбертом, рядом со столом, где лежала палитра мастера.

- Видели ли вы когда-нибудь такую палитру, - спросил меня Зураб, когда я взглянул на похожую на извержение вулканической лавы излияющуюся змейками массу масляных красок, представляющих сами по себе неопределимую картину, где все цвета излучали не только свет, но и какую-то ясно ощущаемую энергию, не позволяющую спокойно лицезреть струи красок, выдавленных на палитру.

Я не ответил на заданный мне вопрос, потому что не нашел подходящих моменту слов. И заслужил другой вопрос, который меня ни сколько не обидел:

- Чувствую ли живопись? Я бы не удивился, если бы он у меня спросил, а слышу ли я его краски, потому что для этого мастера цвет играет главенствующую роль. И если не видеть его в подлинной сущности, не различать цвета, как это свойственно людям, страдающим неспособностью воспринимать цвет в его первоизданном излучении, когда красный цвет «света» кажется серым, а зеленый коричневым, - то значит не оценить живописи Церетели.

Мог ли я обижаться, если сомнение, высказанное мне, возникло у человека, создавшего целый мир, тысячи картин, неизвестных мне, хотя живу почти рядом от Большой Грузинской. Мог ли я обижаться на мастера, который, при всех внешних знаках государственного признания, не известен народу в такой степени, какой заслужил своим талантом и трудом. Кроме картин, находящихся в Москве, сотни картин хранятся на родине художника, в Тбилиси.

Был ли за последние десятилетия у Церетели день, когда бы он не рисовал, не ваял, не чеканил, не писал маслом, не думал о делах, отдыхал, как все нормальные люди? Не было такого дня, не отдыхает он два дня в неделю, как позволяют люди себе в нашей полумиллионной стране.

- Я не знаю, что такое выходной, - сказал Зураб за столом, принимая друзей, щедро угощая их по кавказскому обычаю, где каждый гость удостоивается красивых и не всегда заслуженных слов, тоже по обычаю. Обращаясь к появлению нового человека, пристально всмотревшись в мое лицо, Зураб сказал одно слово: «Донателло!» - назвав имя никогда мною не виденного художника, чье полное имя Донато ди Никколо ди Бетто Гарди. Это высказывание я как раз и отнес к тому обычаю, о котором сказал выше, как и обещание написать мой портрет. (В последнем - ошибся.)

Я в свою очередь тоже пытался, глядя в лицо художника, вспомнить, кого же он мне напоминает. И вспомнил, но вслух имя это не назвал, побоялся, что собравшиеся за столом сочтут мои слова лезвием. Прежде чем сесть за стол, я пришел по залам бывшего подвала, преобразованного в музей, по залам верхнего этажа, неожиданно для себя попав в мир, где живут тысячи образов. Реальных, хорошо всем известных, наших современников и некогда живших на земле, героев литературных и библейских, евангельских. Образов природы, цветов и деревьев, созданных рукой людей, архитекторов и строителей. Образов условных, прихотливо-искаженных, утрированных и выполненных в предельно реалистической манере, когда с первого взгляда видишь, что перед тобой портрет Грибоедова или Пушкина. Меня поразили портреты Михаила Шолохова, потому что это был не только замечательный портрет, но и образ того, кто занимает мои мысли вот уже десять лет. Оказывается, и Зураба Церетели он заинтересовал, значит, он не сомневается в том, кто автор «Тихого Дона».

Я не искусствовед, как дочь художника, показывавшая мне картины, не берусь давать им оценки. Я только вижу и понимаю, что для того чтобы запечатлеть на полотнах, на металлических листах столько лиц, столько сцен городской и сельской жизни, улиц всем известного Парижа и мало кому ведомых деревень, людей простых и именитых, друзей и знакомых, нужно очень любить жизнь во всех ее проявлениях, в праздники и будни, в горе и радости. И еще нужно уметь работать, как раньше говорили, до седьмого пота, чтоб успеть за шестидесять лет создать свой столь многоликий мир.

Знал я, есть такой удачливый монументалист Церетели, ходил не раз вокруг его тишинского столпа, но не знал, что кроме нашенской базарной площади предоставили для его монументов свои лучшие земли власти испанской Севильи, власти американского города Колумбу в штате Огайо. Из Севильи отправился в путь великий Колумб, открывший Америку. И теперь две главные точки этого грандиозного маршрута между Старым и Новым Светом будут отмечены веками; созданными Зурабом. Одна из них называется «Рождение Нового человека», другая называется «Рождение Нового мира».

В моделях они предстают в саду и в залах на Большой Грузинской, в натуре их будут видеть миллионы людей в нашем и будущих веках.

Занят в эти дни Зураб не только на Поклонной горе, где служит сейчас художественным руководителем мемориала комплекса, с такими страданиями строящимся вот уже столько лет. Ему поручили выполнить новый государственный герб России, тот герб, что украсил фасад известного Белого дома на Пресне. Наверное, есть много других проектов, о которых не было времени у художника рассказать мне. Но я увидел еще одну точку приложения сил монументалиста в Москве, хорошо мне известную землю в Хорошево-Мневниках, где давно пытаются создать страну для детей.

Два макета этой страны занимают самую большую комнату особняка; я думаю, что если этот проект будет воплощен в жизнь, то потянутся миллионы людей, чтобы увидеть сотворенный для них мир, почувствовать себя частями этого мира, понять, что все люди - дети одной природы, что им дано счастье жить, и не дано право убивать.

Конечно же, будучи на Большой Грузинской, в доме Церетели, мы не могли не говорить о Грузии, особенно после того, как хозяин узнал, что на ее земле гость не раз бывал и знает там его знакомых. Да, известный монумент в честь Георгиевского трактата, в честь единства двух государств создал Зураб, и каждый его может увидеть, придя на Тишинскую площадь. Но другой памятник этого единения, мало пока что кому известный, сотворил он в стенах своего нового жилища, где девятую часть процентов пространства занимают картины и скульптуры. Это памятник дружбы двух культур, двух народов. И я подумал, что если у грузин есть такие мастера, как Зураб, то, значит, есть не все потеряно. Значит, они могут работать, возродиться, подняться с колен, на которые их поставили безумцы, развязавшие братоубийственную гражданскую войну, пролившие кровь, разрушившие прекрасные города и живописные села, давшие краски, цвета, силу и радость сыну этой земли. Ему подвластны любые художественные формы, большие, самые грандиозные, для которых нужны горы, холмы, набережные, площади, и самые малые, умищающиеся в маленькой раме, которых, как оказалось, такое множество создано Церетели. По моему представлению, может быть, я ошибаюсь, этим малым формам, полотнам, кои на одной стене уместятся десятки, Зураб отдал жар своей души в не меньшей степени, чем монументам.

Одна из картин, что закончил Зураб в воскресенье, называется «Три девочки в саду», а другая - «Воздушный поцелуй». На последней изображена любящая пара, летящая и целующаясь в небе. На сто сорок метров стремится мастер поднять в небо над Московской обелиск в честь Победы. У его подножия мечтает Зураб установить всадника на коне, поражающего дракона, Георгия Победоносца, покровителя России, Москвы, Грузии. Удастся ли ему воплотить в металле эту идею?

Ну, а там, где не требуется никаких решений, кроме собственного, во дворе дома на Большой Грузинской, он водрузил многометровую фигуру - античных статей юношу, ликующего в момент триумфа. Вариант этой скульптуры установлен в Сити, Лондоне, в память о разрушении берлинской стены, раздвигавшей народы Европы.

Как я понял, Зураб преобразует двор не только для себя, но и для тех людей, что придут сюда, как в музей, когда двери его откроются для всех, а что это случится, я не сомневаюсь. И радуюсь тому, что традиция, начатая Павлом Третьяковым, продолжена в наши дни. В отличие от Павла Михайловича Зураб Константинович картин ни у кого из художников

не приобретает. Он создает их сам для народа.

Много раз думал я о том, как мало наш XX век по сравнению с веком XIX обогатил город художественными собраниями. Когда большевики взяли власть, Москва располагала не только Третьяковской галереей, не только собраниями французских импрессионистов, принадлежавших Щукину и Морозову. Существовала городская галерея Цветкова, собиравшего русскую живопись; собрание русской иконописи и современной русской живописи, созданное стараниями Остроухова. В справочнике за 1917 год для посещения предлагалось частное собрание Гиршмана; у Красных ворот, где также коллекционировалось современное русское искусство. Другое частное собрание, Боткинских на Покровке, славилось картинами и бронзой. Советская власть их поучительно жала. Традиция частного собирательства была грубо прервана, создавать музеи получило право только государство.

С превеликим трудом удалось московскому коллекционеру Вишневному, у это слышал от него, уломать родную власть взять принадлежавший ему дом и замечательное собрание картин, чтобы открыть музей Тропинина в Замоскворечье. Старорусская традиция с новой силой, кажется, возрождается грузином. Да, есть и в наш век люди поразительно щедрые, а главное, умеющие работать так, как могли только титаны эпохи Возрождения: помногу и столь же плодотворно. Зурабу, как я сказал, шестьдесят один, и именно сейчас находится он на взлете, на грёбе новой, самой высокой волны в его жизни, именно сейчас его модели превращаются в обелиски и монументы, для которых мало места в Москве, они возникают в Старом и Новом Свете. Хочу пожелать ему долготы Леонардо.

Наконец, скажу, кого мне напомнил облик своим художник, сидевший в оливково-голубом кресле на главном столе, где произносил тосты в честь Грузии, России, в честь друзей. С бокалом в руке мне он напомнил Рембрандта, который изобразил себя на автопортрете с Саскией. Но Зурабу не грозит напасти, обрушившиеся на закаты жизни на голубу великого голландца: Москва его не объявит несостоятельным должником.

Ему не нужно спрашивать ни у кого разрешения, чтобы сесть в самолет и полететь туда, где поднимается над землей его творения. Он живет в свободной России, в свободной Москве не в самое лучшее время, но каждым днем прожитой жизни доказывает, что можно противостоять самым трудным обстоятельствам, если работать так, как умели мастера в эпоху Возрождения, не знавшие, как Зураб, что такое выходной.

...На прощание задаю вопрос, который меня волновал с первых минут пребывания в стенах дома, увешанного тысячами картин.

- Почему они до сих пор так полно в стране не выставлялись, почему их не видел и не знает народ?

- Потому что я писал в свободной манере, которая в прошлом никак не устраивала организаторов официальных выставок. Пришло время все показать, думаю, что вскоре такая выставка состоится в Москве, как только высвободятся для нее силы.

...Тишинская площадь была первым местом в исторической Москве, где скульптор создал невиданный прежде столп, сплетенный из литер, не похожий на все другие монументы буйством форм, кавказским темпераментом. Много лет Москва больше не делала подобных заказов, и Зураб украсил землю других городов, других стран. Недавно в Париже перед зданием ЮНЕСКО открыли статую «Рождение нового человека». Он занят монументами для городов Испании, Соединенных Штатов... Но самая значительная работа, которая, на мой взгляд, принесет ему всемирную славу, выполняется для Москвы, я имею в виду главный монумент на Поклонной горе. Его открытие состоится через несколько месяцев, в мае этого года.

...Холмы, возвышенности, океанские набережные, горы - вот пьедесталы, предназначенные природой для Зураба Церетели, обладающего дарованной способностью преобразовать жизненное пространство, даже столь значительное, где способен проявить себя только, если бы был верующим, сказал бы, Бог.

Лев КОЛОДНЫЙ.
Фото А. ВОЛОДИНА.